

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №13 ГАЗЕТА

«Когда созреют яблоки...» / Современная проза

ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина

Родилась на Алтае. Окончила медицинское училище и Литературный институт им. Горького. Член Союза Писателей России с 1995 года.

Вышли книги стихов «Царь-сердце» (1991), «Утешение» (2007), «Птицы-летицы» (2016). Рассказы и повести печатались в журналах «Симбирск», «Нева», «Москва», «Юность», «Север», «Роман-газета». Серебряный диплом Германской премии «Лучшая книга года» (2024) за роман «Простить Феликса» о военном и послевоенном времени на Алтае.

Лауреат премии им. Святого благоверного князя Александра Невского и Международной премии им. Сергея Михалкова (за книгу рассказов для подростков «Хочешь жить, Викентий?» (2015).

КАРПУНИН Геннадий Михайлович

Родился в 1958 году в посёлке Щербинка Московской области. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. С середины 1980-х уходит в журналистику, работает в районной газете «Подольский рабочий», еженедельнике «Пахра». Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая Гвардия» и других. Автор поэтического сборника «Опрокинутое время», нескольких книг повестей и рассказов, романа «Часовых дел мастер». Член Союза писателей России. Живёт в Подольске.

К столетию Юлии Владимировны ДРУНИНОЙ

(10.05.1924-20.11.1991)

* * *

Я родом не из детства —
из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день,
что мною прожит.

Я родом не из детства —
из войны.
Раз, пробираясь партизанской
тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке
робкой.

Я родом не из детства —
из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя — шершавые ладони.

Я родом не из детства —
из войны.
Прости меня — в том нет
моей вины...

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №13 /1954/ Основана в 1927 г.

«Когда созреют яблоки...» Современная проза

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ

Простить Феликса

Повесть

Глава первая

Осенью 1942 года бригадир рыболовной бригады Феликс Горбатко стоял перед шеренгой спецпереселенцев. Все они были этническими немцами, высланными в начале войны из Немецкой республики Поволжья на Север, в край Туруханский. В бригаде было двенадцать женщин, три подростка, четверо пожилых мужчин и один старик. Бригадир Горбатко, вопреки своей фамилии, был прям, строен и крепок, истинно молодой дубок. Свободная непромокаемая куртка и брюки, заправленные в литые резиновые сапоги, сидели на нем так, будто говорили: никогда ни на ком мы не сидели так хорошо, как на этом парне. Глубоко надвинутый капюшон куртки не был сейчас затянут, и грянувший громкий порыв ветра снес его с головы, открыв волосы, густые, жесткие, темные у корней, словно подшерсток волка, дальше ярко-серые и совсем светлые на кончиках.

Феликс привычно, на автомате, выхватывал взглядом из шеренги фигуры молодых женщин. Большинство из них были доставлены в поселок недавно и еще не потеряли своей привлекательности. Это скоро произойдет с ними, от тяжелого мужского труда в жестоких условиях Севера они огрубеют, отощат, станут беспольными скелетами с равнодушными лицами. Чу! Глаза Феликса оживились. Он как раз внушал бригаде, чтоб никто не вздумал украдкой взять ни одной рыбки из улова, когда увидел в шеренге прямо перед собой девчоночку. Его искушенность подсказала ему, что вряд ли ей больше пятнадцати. Она была высокой, почти оформившейся, но еще оставалась в фигуре та милая неуклюжесть медвежонка, какая бывает у девочек-подростков перед тем, как они станут девушками. Феликс обратил внимание и на лицо: гладенькое, круглое, простодушное. Он не заметил бы, какого цвета у нее глаза, никогда не замечал таких мелочей, но глаза девчоночки были яркими, лазоревыми, как цветы, что летом островками росли на лугах Тунгуски, такие любой заметит.

И рот. Робкий, ни разу не целованный рот, это он сразу определяет. Бутончик, просто бутончик.

Он отвел от девчоночки глаза, крикнул, переселивая шум нового порыва ветра:

— Начинаем лов. И чтоб работали как надо! Выловите больше плана — вся лишняя рыба ваша.

Бригада знала, что бригадир свое слово держит. Сверхплановая рыба, которую голодные люди готовы были есть тут же, не очищенной, не приготовленной, придавала азарт работе, они кидались в ледяную воду и шли по пояс, и вытягивали потом, надрывая кишки, огромный невод. Они знали, что в любой день могут насмерть простудиться, умереть от недоедания и слабости или просто утонуть, а потому задача ставилась очень простая, конкретная: одолеть этот день, завтра будет завтра.

Двадцатые числа сентября здесь — поздняя сумрачная осень. Мутность утра чуть рассеивается днем, чуть сгущается к вечеру. Лишь черная безлунная беззвездная ночь четко очерчивает свое время суток.

Остывшая вода Енисея вместе с теплом потеряла яркую синеву и лучистость. Река словно не рада прибывшим издали людям, которые в течение многих лет будут теперь опустошать, вытягивать из нее рыбу большими стренжами. Ближе к берегу уже шла по воде шуга, а на глубине плавали твердые ледяные пяточки и даже целые ковриги льда. Дело шло к ледоставу, но осенёвка, как называли здесь осенний лов рыбы, протянется еще почти месяц. На берегу, очищенном от камней, длинные деревянные столы, врытые в землю ногами, рядом с ними тара — бочки для засаливания рыбы, большие ивняковые корзины. У самой кромки, носовой частью доставая воды, стоит рыболовная лодка — неводник, с накинутым на борт стренжевым неводом. Запустомоенную его сеть оживляют красные бубенцы поплавных грузил и закрепленных по низу кибасных. Один конец невода закреплен на берегу с помощью специального бревна, называемого рыбаками «бетой».

Спецпереселенец Роберт Иванович Крафт энергично вышел из шеренги, махнул рукой:

— Молотёшь, тавай!

Роберт Иванович, как и многие из переселенцев, говорил по-русски с акцентом и ошибками, невпопад менял в словах звонкие звуки на глухие, путал женский род с мужским, а о среднем вроде и не подозревал. Ведро у него было она, окно — он, дерьмо — тоже он, да еще и «терьмо», но отвага, с которой он бросался в не постижимый поток русской речи была вознаграждена: с каждым днем Роберт Иванович говорил все внятней и понятней.

Феликс самочинно произвел его в «старшие нарядчики» и оставлял за старшего. Подогнув под ремень фуфайку, Роберт Иванович направился к воде. Восемь человек, которые должны были сесть на весла — двое ребят-подростков и шесть женщин, быстро выдвинулись за ним, сломав шеренгу. За ними пошли остальные. Сбросив обувь, заправив повыше

одежду, рыбаки входили в темную непроницаемую воду, казалось, что вода срезала им ноги по шиколотки. Двое оттолкнули лодку от берега, и все запрыгнули в нее. Гребцам удалось разогнать лодку, и она пошла по воде резво и послушно.

Феликс, внимательно следивший за гребцами, удовлетворенно кивнул и повернулся к тем, кто остался на берегу, чтобы принимать рыбу, чистить и засаливать ее. Их было всего трое. Старичок Отто, сухой, почти бестелесный, из глаз его все время текли слезы, и он вытирал их пальцами правой руки в женской трикотажной перчатке, эта девчоночка и молодая женщина Вера Шихт. Черный шерстяной платок, повязанный чепчиком, полностью закрывал лоб Веры, ярко выделяя остальное лицо: резкие черные брови, серые глаза и коричневатокрасный румянец на смуглом обветренном лице. Вера что-то говорила напарнице. Феликс услышал, как она назвала ее Морей¹. Маша, значит. На Маше был легкий пиджачок, юбка до шиколоток, на ногах летние тряпичные полуботинки. На голове совсем тоненький платочек. Феликс строго обратился к ней:

— Что за форма одежды? На гулянку собралась?

— У меня другой нету. Еще как плыли сюда, последнее на еду выменяла.

Девчоночка схватилась левой рукой за пуговицу своего двубортного пиджачка и держалась за нее, как держатся за сердце.

— Man hat uns warme Kleidung... — зябко просто-на-просто старичок. И тут же, спохватившись, исправился, произнес: — Одешда теплый обещали...

Немцам-переселенцам не позволялось говорить на родном языке. Теперь благодаря развязанной Гитлером войне это уже был не язык Гёте и Гейне, а ненавистный всем язык фашистов. И переселенцы понимали это.

Замотанное шарфом тело старичка Отто делало его похожим на темный скрюченный стручок, того и гляди, ветер унесет.

— Обещали бычка, а дали тычка! — хмыкнула Вера.

Феликс, даже не взглянув на Веру, с издевкой кивнул:

— Тебя вроде не обидели.

И потом громко, повелительно:

— Работай давай. Все проверь: тару, ножи, соль.

Бригадир негодовал. Зубастая какая стала эта Верка! Он бы ее обломал, но комендант Сиухин горой за нее, Верка прямо приворожила его. Прохиндейка.

Бригадир взглянул на реку. В этот момент лодка, мчавшаяся на максимальной скорости, резко остановилась.

— Роберт Иваныч, присмотри тут! — крикнул Феликс и помахал рукой, так, для порядка, отлично зная, что нарядчик его не услышит.

¹ Морей, Моря — просторечная форма имени Мария в окающем волжском говоре.

— А ты со мной, — приказал он девчончке и сначала медленно, а потом все быстрее пошел от берега в сторону поселения. Шагов ее он не слышал, но чувствовал, что девчоночка следует куда следует.

Феликс вел ее на склад одежды и инвентаря. Склад стоял последним в ряду свежих построек, составлявших новый поселок. Они прошли барак и раздаточную, откуда выдавался хлеб на переселенцев. Дальше начинался небольшой лес. За высокими голыми стволами сосен, похожими на толстые неошкуренные столбы, меж зеленоигольчатых пихтовых пирамид виднелось одноэтажное обшито тесом помещение спецкомендатуры. Феликс обошел его подальше. Желтовато-карие, с красивой раскосинкой глаза его, словно зверушки из норки, смотрели внимательно, настороженно. Феликс побаивался коменданта Сиухина, человека ему непонятного, хоть и был он его дружкой и пили они вместе чуть ли не каждый вечер. Бригадир был уверен, что Сиухина, прибывшего на место службы из Красноярска, загнали сюда за какую-то провинность, уж такой он был весь унылый и обиженный. Феликс знал, что спецпереселенцы стояли у коменданта на учете, на каждого было заведено дело в отдельной папке. Указом этим бедолагам запрещалось удаляться от места поселения больше, чем на два километра, и даже о таких передвижениях они должны были докладывать. Поначалу Сиухин требовал отмечаться в комендатуре каждый день, но потом понял, что хватил лишку, и велел отмечаться раз в неделю.

Кружным путем вышел Феликс на тропку, ведущую к складу — низкой бревенчатой избушке, без крыльца, с маленькими окошками. Когда откомандировали его сюда, он, считай, один эту избушку ставил и под склад, и для себя. Правда, Феликс лишь ночевал на складе, вся остальная его жизнь проходила на работе и в попойках с Сиухиным. Он оглянулся на девчоночку:

— Пошевеливайся.

Пропустил ее вперед и теперь шел, обшаривая взглядом всю от затылка до щиколоток. Она шла, чуть наклонив голову, так что между воротом пиджачка и платком видна была белая оголенная полоска шеи. Подошли к складу. Феликс открыл навесной замок и толкнул дверь.

— Заходи.

Мария вошла и сразу увидела кучу одежды, которая лежала прямо на полу у правой стены: несколько гимнастеров, бушлатов, шаровар, ватных штанов, сваленных друг на друга, солдатских шапок со спортивными звездочками, войлочные чувяки и даже пара женских бот. Мария сразу их увидела. Почти новые резиновые боты, высланные розовой байкой! Вся одежда в куче была ношенная, содранная с живых или снятая с мертвых. Новой специальной одежды, особенно для зимней ловли, Феликс ждал уже второй год, но так и не получил. Не было ни одной пары сапог, хотя они и полагались рыбакам, про рукавицы

и говорить нечего. Но для этого розанчика он что-то подберет. Бригадир порывлся в куче, нашел почти новый полосатый матросский тельник, выбрал бушлат, стеганные штаны, шапку, все бросил на табурет, стоявший между столом и кроватью, настоящей кроватью! — отметила Мария. Щедрым движением положил к высоким ножкам табурета боты, словно приглашая его обуться. Взглянул на Марию. Она все еще стояла у дверей.

— Проходи!

Мария прошла, протянула руку к бушлату. А бригадир тем временем вынул из стоявшего в углу шкафа-колонки два тонких кусочка хлеба и положил их на стол. Точно такие давали им по утрам перед работой. Она замерла с бушлатом в руках, на время перестав замечать что-либо кроме этих кусочков.

— Ну что замерла, как померла? Боюсь, что ли? Я тебя не съем. — Феликс стоял, прислонясь к столу. Верхний ряд зубов обнажила улыбка. — Лучше ты его съешь.

Голод не дал Марии долго раздумывать. Этот темный липкий хлеб слаще манны небесной! Она шагнула к столу, а Феликс шагнул встречу, протянул руки, обхватив чуть ниже плеч, потянул к себе с силой. Он стоял теперь спиной к кровати. Мария пыталась отпрянуть, податься назад, но Феликс держал ее цепко, сильно. От напряжения ли, от страха что-то сделалось с ее сознанием, ей показалось, что она, дома вечером гуляет на своей улице со сверстниками и кто-то из парней в шутку схватил и держит ее.

— Отпусти, — сказала она резко и сердито.

Феликс, улыбаясь, продолжал держать ее. «Отпусти», «не надо» — когда эти слова произносит женщина, они ничего не значат.

— Не хочешь хлеба?

Он ослабил руки, но не выпускал ее.

Мария неожиданно с силой дернулась, вырвала, можно сказать выдрала, свои плечи из его рук. Молниеносно присев, схватила его за колени и с силой толкнула. Феликс упал на кровать, распластавшись поперек, разбросав руки в стороны. Мария, схватив одежду с табурета, повернулась и быстро пошла к выходу. У самой двери она вспомнила про хлеб. Хлеб! Она должна его взять. Она метнулась к столу, схватила кусочки, на ходу сунула в карман бушлата и устремилась к двери. Феликс, мягко спрыгнув с постели, догнал ее. словно железные клешни обхватили Марию.

— Хлеб воровать?

Голос его был не строг, скорее шутлив. Его рассмешило, что девчоночка вернулась за хлебом. Но Мария испугалась. Своровала! Феликс ведь может сказать об этом коменданту. А комендант? Он расстреляет ее. Тут, на Севере, так. Только вчера в другой бригаде женщину за то, что та утаила рыбку, бригадир держал в ледяной воде, пока она не потеряла сознание и не погибла. Мария покачнулась, тело вдруг перестало держать само себя, и Феликс подхватил ее на руки, что-то шепча и каменя от воз-

буждения, откинув в сторону одеяло, положил на кровать. Он что-то зашептал, но так тихо, что она услышала лишь: «Не бойся, Маша».

Глаза его блестели ласково, упрасивающе.

Он раздел ее.

Мария лежала, сжавшись и скрестив руки, укрывая ладонями грудь. Феликс невольно засмеялся, до чего забавная эта девчоночка! Он сбросил на пол расстегнутую куртку, снял рубаху, дальше раздевался в постели. Чувствуя под собой мягкое и одновременно упругое, неописуемо гладкое тело девушки, властно тронул руками ее колени, размыкая их. Ноги как волшебные створы ворот послушно растворились, и он не спеша, не жадничая, не ломая себе удовольствия, вошел. Мария вздрогнула. от первой боли. Ее колыхала какая-то внешняя неистовая сила, впечатывала тело в кровать.

Потом она услышала, как он коротко взвизгнул, проскулил, как кутенок¹, и тело, давившее ее, обездвижело, замерло. Мгновение Феликс лежал бесильно и неподвижно, потом пошевелился, сполз и оказался с ней рядом.

Мария не двигалась. Платок давно слетел с ее головы, толстые косы, подколотые вверх маленькими металлическими приколками, упали и лежали, истерзанные, по обеим плечам. Она прикрыла грудь руками и беззвучно заплакала. Ей было одиноко и страшно, и, не находя, к кому прикинуть, она уткнулась мокрым лицом в плечо Феликса. Но он отодвинулся, и голова ее упала на постель. Бригадир встал, быстро одеваясь, проговорил:

— Вставай. Одевайся.

Он снова пошел к шкафу-пеналу и, вернувшись, положил на кровать завернутый в клочок магазинной бумаги другой кусок хлеба, побольше. Положил на кровать:

— Возьми.

Мария, подогнув под себя ноги, привстала с постели и чуть не вскрикнула. Простыня в нескольких местах была закапана кровью. Пока она одевалась, серая ткань постели впитала ее в виде нескольких темно-красных пятен! Ее кровь на чужой постели! Стыд! Какой стыд!

Мария шла на берег, широко расставляя ноги, так ей было легче идти. Бушлат и широкие ватные штаны немного скрывали ее странную неловкую походку. Голод явнил, ел желудок. Она достала из кармана хлеб, тот, что был одним куском, а два тонких решила приберечь. Глотала непрожеванные толком кусочки хлеба. Глотала больно распирающий горло соленый комок. Хлеб и слезы соединились в одно.

Стыд! Какой стыд! Простыню запачкала. И бригадир будет на это смотреть! Господи, лучше ей умереть! Нет, Господи, не лучше. А отец? А мама Таня? И ведь тогда она никогда не увидит брата и маленькую сестренку.

* * *

Феликс, усмехнувшись, набросил на постель одеяло. Увидел сброшенную на пол юбку и туфли Марии, схватил это барахло и засунул в сундук, где лежали у него куски оленьей кожи хорошей выделки, пара собольих и песцовых шкурок и другая добыча, по мелочи. Он достал из пачки папиросу «Беломор», подарок уполномоченного НКВД, недавно привезшего новую партию переселенцев. Сел на кровать, закурил. Бодрость и легкость в теле была необыкновенная. «Как будто крови оленя выпил», — удовлетворенно подумал он. Поднял куртку, расхристанную на полу у кровати. Надо идти к бригаде. За ними глаз да глаз, только отойди. Но — он довольно усмехнулся — отойти иногда жизненно необходимо.

Феликс не считал себя злодеем и жестоким человеком, хотя при его работе некоторая жесткость в обращении была само собой разумеющейся. Но он был сластолюбив, а при такой доступности и безнаказанности сладострастие, как костер, в который бросают в достатке и наготове лежащие дрова, разжигалось день ото дня. Костер этот голодно урчал и требовал: еще, еще. Ну что ему теперь делать? Это, может, только и сохраняет в нем интерес к жизни и бодрость, это его женьшень. И ходить за ним далеко не надо.

Мария заторопилась, подходя к берегу, Вера махала ей: скорей, скорей и, когда она подошла, причмокнула:

— Ах, Моря, какую на тебя бушлатку ни надень, ты все яблочко наливное!

Вера тоже была в бушлате, но к ее низкорослой фигуре он мало шел, сидел малахаем. Она внимательно глянула на Марию. В ее прищуренных глазах вдруг вспыхнул быстрый напряженный огонь, словно в лампочке перед тем, как перегореть. Вспыхнул и тут же погас. Она приобняла Марию.

— Пойдем, нам работать надо!

Они сбежали с берега и направились к самой воде, куда подошла лодка. Рыбаки, прыгнувшие в воду, тянули невод. Вера с Марией, сбросив обувь, зашли на песчаную, чуть укрытую водой отмель и присоединились к ним. Мария поразилась. Невод был тяжелее бревен, которые пришлось ей носить прошлую зиму на плечах с другими женщинами-переселенками. Но вот стала видна мотня, в которой кишела рыба. Вывалив рыбу в похожую на огромное корыто плетеную тару, рыбаки закинули освобожденный невод в лодку, столкнув ее с отмели, запрыгнули и опять погребли на глубину.

Подошел Феликс. Взглянул на улов и быстрыми шагами сошел к кромке берега. Рыбаки как раз сбросили в воду невод.

— Расправляй скорей, чего телишься! — крикнул бригадир.

Невод был расправлен раньше, чем слова Феликса долетели до рыбаков. Его громадная сеть поднялась и образовала высокую, метров в пятнадцать, стену, называемую здесь дель.

¹ Кутенок — щенок.

Девушки взялись за обработку рыбы. Вера, уже второй год попавшая на осенку, работала быстро, ловко, Мария старалась не отставать: была привычна к любой работе, в их поволжской деревне детей брали в помощники рано.

Насупленный сентябрьский Енисей был похож на Волгу, какой родная река бывала, когда подступали холода, а потом и морозы, когда вода покрывалась ровным, опрятно поблескивающим льдом. И Мария стала воображать себе, что это декабрьская Волга, так было легче.

Прибежали дети Роберта Ивановича, одиннадцатилетние двойняшки, сын Петер и дочка Мина — узнать, большой ли улов и нужна ли помощь. Феликс поставил их промывать очищенную рыбу и помогать старичку Отто засаливать ее. Двойняшки резво взялись за дело, в надежде получить свой личный паек.

Всякий раз, когда Мария слышала голос бригадира, она умирала от стыда. Один раз ей даже послышалось, что он зовет ее, но нет, Феликс был занят рыбаками, кричал, указывал, куда им лучше завести невод, и сам, разувшись и сбросив куртку, зашел к ним в воду.

Так шел день. Вера торопила ее, давай, давай, обрабатываем всю рыбу дотемна, получим пайки побольше, припасем остаток, не каждый день хорошо ловится. Дедушка Отто молотком на низком плоском чурбане раскалывал комки соли, толоч ее; двойняшки пересыпали солью рыбу, перемешивая ее деревянной лопаткой на длинном черенке.

Начало смеркаться. Скоро ничего нельзя будет толком разглядеть. Феликс кликнул отбой.

— Давайте тут, заканчивайте. Яша, повезешь засоленную рыбу в приемку. Возьми еще кого-нибудь с собой.

Яша-гармонист с готовностью кивнул. Он был сыном одной из спецпереселенцев, Лизы Грас. Яша при переселении прихватил из дома свою гармошку. Мать противилась. Продукты, вещи нужно взять, а разрешенный вес невелик, какая тут гармошка. Но Яша сказал, что он ни разу ее с плеча не снимет, и так и проехал весь путь от Волги до Енисея с гармошкой на плече. Играл каждый вечер, засыпал, свесив на гармонь голову, а пальцы продолжали играть.

— Девки, невод несите на просушку, — командовал Феликс. — Роберт Иваныч, поделишь излишки!

— Как тут холодно! Лучше б мы в воде остались, — ныл в темноте раздраженный ломкий голос подростка, а материнский виновато увещевал:

— Потерпи, сынок, сейчас в тепло пойдем, ухи наварим.

* * *

Барак, в который один за другим входили рыбаки и рыбачки был освещен несколькими лучинами и огнем самодельной печки. Справа и слева от прохода — в два этажа нары, сколоченные из наспех остроу-

ганных занозистых досок. Каждая семья на них занимала свой участок. Вечером печку раскошегаривали так, что она пахла каленым железом, женщины торопливо готовили на ней ужин, варили рыбную похлебку. Вокруг развешивали мокрую одежду на просушку. Днем печку понемножку топила ома Анна, большая грозная старуха, которая оставалась на хозяйстве и присматривала за всеми маленькими детьми, ведь матери уходили на целый день. В прошлую зиму она сильно обморозила пальцы рук, пошел некроз, и теперь у нее на левой руке обитал лишь один сухой, согнутый в верхней фаланге, обтянутый морщинистой кожей палец, который все же хорошо помогал пяти правым. На ому Анну женщины, уходя на реку работать, оставляли детей и пайки хлеба на каждого ребенка.

Мария вошла в барак. Холодно, холодно, холодно! Будто лед натолкали ей внутрь и оставили навечно. Она прошла к нарам, бросилась на них прямо в верхней одежде. Лицо горело, руки целый день пробыли мокрыми на холодном ветру и теперь, от тепла, мучительно зудели.

Соседкой Марии и здесь была Вера. Свое законное место на нарах она отделила цветастым куском ситца, прикрепив его к доскам верхних нар. Так делали здесь многие семьи. Эту нарядную, с яркими цветами ткань Вера вывезла из дома, многие хозяйки любили делать цветастые занавески, и у Марии в доме были такие. Просыпаясь по утрам, Мария первым делом смотрела на Верину занавеску, представляя, будто бы проснулась дома, и еще не началась война, и она сейчас пойдет завтракать. И еще одно заставляло ее мгновенно вскакивать с нар: запах хлеба. Первое движение, первые шаги после того, как спецпереселенцы поднимались утром, были туда, к ящику с пайками. Его приносили перед построением на работу Роберт Иванович и Яша-гармонист, под приглядом бригадира. Яша ловко раздавал хлеб, а Роберт Иванович следил, чтобы хлеб достался всем, как положено.

Негромкий приглушенный гул наполнял барак: отрывистый редкий говор мужчин, плач малышей, ослабленные, они плакали тоненько, негромко, голоса матерей, успокаивающих или покрикивающих на них, громыхание посуды у печи, где женщины варили рыбную похлебку. Излишек рыбы Феликс, как и обещал, отдал, но был он небольшим. А надо всех накормить горячей похлебкой, в первую очередь детей и тех, кто работал и мерз в воде, на ветру весь день, и тех, кто лежали больными, ослабленными, уже не принося никакой пользы. Хоть кусочек рыбки должен попасть каждому.

Мария лежала, глядя в чуть освещенное желтовато-мутное пространство, часто дыша, вдыхая воздух барака. Обычно душный и одновременно сырой, отдающий плесенью и кисловатым, ей казалось овечьим, запахом сохнувших вещей, и трудовыми телами людей, и детскими мокрыми пеленками, и рыбой, этот воздух пах сейчас лишь складом, вещами и

постелью Феликса. То физиологическое, что сделал с ней Феликс, она воспринимала как-то отвлеченно, отстраненно от себя. Сознание фиксировало лишь одно: стыд от того, что она оставила на простыни кровь. Темно-красные впитавшиеся в простыню пятна. Ровный гомон барака отдалился и смолк. Она словно бы вновь лежала на кровати Феликса без одежды, укрывая ледяными ладонями грудь. Лежать было неудобно, панцирь кроватной сетки впечатывался в позвоночник, резал спину, она приподнялась с кровати и не то почувствовала, не то увидела, что из нее струями изливается кровь, из носа, ушей, глаз, низа живота и даже из-под кожи круглыми каплями проступала кровь! Видимо, она закричала, потому что, открыв глаза, увидела около себя Веру Шихт. Вера стояла, склонившись к ней неподвижным, не выражающим никаких чувств лицом, такие лица бывают у врачей, ежедневно видящих боль и страдание.

— Тихо. Уснула ты. Садись.

Вера взяла ее за плечи.

— Похлебка готова. Иди к котлу быстреей.

Мария осторожно оглядела себя, уже понимая, что ей приснился кошмар. Все же ощупала лицо, уши, засунула руки в рукава бушлата, все сухо, никакой крови. Встала и пошла к котлу. Как всегда, голод съедал желудок. У нее не было своей миски, на столике стояли миски тех, кто уже поел, и она взяла первую попавшуюся, сработанную из консервной банки для сельди посудину и самодельную деревянную ложку. Налила из котла рыбного варева. Быстро хлебала теплый бульон, в котором отыскивала мелкие ошметки рыбы, иногда попадалась чешуя, и она не выплевывала ее, а безразлично проглатывала. Это варево успокоило, заглушило голод. У нее еще оставался маленький кусочек хлеба, который она съест отдельно. Мария вернулась к себе, забралась на нары, так и не сняв верхнюю одежду. Вера, уже лежавшая, отодвинула ширму, приподнялась, тихо сказала:

— Живи, Моря, вроде как ничего не случилось. Куда нам деваться? В небо далеко, в реку глубоко. Кончится война, и всё кончится. Домой поедешь.

Мария ничего не ответила, не подняла прикрытых век. Ее детскую душу укачивали слова «домой поедешь, домой поедешь...». И она забыла про все, отдаляясь, уходя во что-то чистое, свежее, радостное.

А Вера Шихт не могла уснуть. Она ненавидела Феликса. Ненавидела его красивое лицо, приказы, смех и беззлобные в общем-то шутки, ненавидела даже его «великодушное» решение отдавать в котел спецпереселенцев сверхплановую рыбу, ненавидела одежду, которую он ей выдал. Она вынуждена была носить ее, но носила с отвращением и собиралась во что бы то ни стало надбывать себе что-нибудь к зиме, а эту вернуть, швырнуть ему в морду.

Когда с мужем прибыли сюда осенью 1941 года, он и ее сводил на склад, она получила одежду и обувь для осенней рыбалки, и муж еще благодарил его. Тогда же Феликс сообщил ей, что их с Виктором со

следующим пароходом отправят дальше, на Дудинку. Виктор, измученный, морально уничтоженный, не выдержал бы этого нового переселения. Феликс пообещал, что решит этот вопрос, и она приняла его условия. Но она взрослая женщина, перетерпела, и всё. А тут девчонка. Ей шестнадцати, поди, нет. Не человек он, даже не зверь. Дух исподний¹, вот он кто. Накажи его Бог, низвергни до самого ада!

Вера Шихт была русской по национальности, но женой немца-спецпереселенца Виктора Шихта. Она влюбилась в него, еще когда училась в старших классах их большой сельской школы. Отец привозил Виктора с хутора к ним в школу, хотел, чтобы сын обязательно получил среднее образование и шел учиться дальше. Красивый, спокойный, неговорливый паренек нравился боевой веселой Вере. С этих школьных лет все и началось. После учебы Виктор ушел в армию, отслужив действительную, как многие тогда выходцы из деревень, остался на сверхсрочную и собирался поступать в военное училище, а пока служил в воинской части под Саратовом. Сюда приехала к нему Вера, поженились. В конце сорокового года у них родился мальчик Алекс. Вера была веселой, работающей хозяйкой. Виктор ценил слаженную семейную жизнь, спокойствие и порядок в доме, это были твердые основы их жизни. И была хорошая жизнь. Он любил жену и сына спокойной оберегающей любовью.

Вера вздохнула. И ничего не осталось. А воспоминаний, лучше не надо их. Только дай душе волю, и мгновенно встанет перед глазами: проклятый этот полустанок посреди североказахстанской степи и длинный состав из дощатых вагонов. Она стоит неподалеку от состава, у края степи, упрямо прижимая к себе прикрытого платком мертвого годовалого сына. Она видела себя как бы со стороны, например, что подол ее темно-синего платья сильно помят, а спина твердая, застывшая, будто из синего камня. Она камнеет, холодеет вместе с сыном. Ошестинившаяся сухой колкой травой земля. Яростная спина мужа. Виктор рубит, раздирает солончак маленьким топориком, который дал ему старик из их вагона, прихвативший с собой в дорогу не только чемодан с вещами, но и плотницкий инструмент. Старик ехал рядом с ними в вагоне от самого начала, со станции Покровская. Станция находилась в городе Энгельсе, столице автономной Немецкой республики на Волге. В августе 1941 года несколькими эшелонами вывозили отсюда в Красноярский край депортированное население.

Вера отняла сына от груди в конце августа, и теперь уже молоко перегорело. Это была роковая ошибка. Ребенок не смог приспособиться к той воде и еде, которую она могла ему дать в дороге. Десять дней он дышал воздухом, который выдыхали легкие восьмидесяти человек, ехавших в этом вагоне, заразой, испарениями туалетного ведра.

¹ Дух исподний — дух нечистый.

Они прибыли в Туруханск только в сентябре. Виктор после смерти ребенка и тягот, которые встретили их на поселении, впал в угрюмую раздражительность и отчужденность. Его заперли здесь и издеваются, тогда как идет война с фашистами и он мог бы принести много пользы. Ему, кадровому военному, больше не доверяют. Его называют предателем и фашистом. Вера знала: Виктор винил ее за то, что она не сохранила сына. Когда стало известно о депортации немцев, он предлагал ей написать отказ от него и остаться с сыном на родине. Но она не захотела. Осталась Верой Шихт и поехала с ним. Она и сейчас думала, что не смогла бы спокойно жить, если бы отреклась, предала, отказалась от мужа и его фамилии.

Через полгода после того, как они оказались здесь, Виктора забрали на принудительную трудовую повинность в рабочие колонны, как и всех немцев моложе пятидесяти лет. Их держали на казарменном положении при лагерях НКВД, на шахтах, рудниках, лесоповалах — в огороженных охраняемых зонах. Сами призывники называли себя Трудовой армией, надеясь, что они, не допущенные воевать, станут бойцами трудового фронта. Но, по сути, рабочие колонны стали лагерем заключенных — с бараками за колючей проволокой, часовыми, каторжной работой и усиленным надзором.

Виктор попал на Урал, на угольные шахты. Прощаясь, он сказал Вере, что будет проситься на передовую, а если не получится, сбежит и все равно найдется, как попасть в армию. Теперь Вера знала, что ему это удалось. Он назвал себя Виктор Шихтов.

Получив письмо о гибели мужа от его друга, с которым они вместе бежали на фронт, Вера смирила свою скорбь мыслью, что он, такой гордый и честолюбивый, не жил в унижении и не умер, как многие трудармейцы, от тифа или дизентерии, лежа в собственных испражнениях, а погиб как герой на передовой, и когда-нибудь об этом станет известно. Он выполнил свое предназначение, прожив на свете двадцать семь лет, разве дело в том, сколько конкретно лет проживешь на свете? А она? В Вере Шихт оставалась никому не нужная жизненная сила, какая, быть может, есть в сорной траве — вытравит угрюмый хозяин все сорняки начисто, но один неискоренимый росток, оправившись от страданий, снова поднимается, и зеленеет, и утверждает свою жизнь. Она не проклинала свою жизнь. На тысячекилометровом пространстве вдоль Енисея — от Туруханского края, от реки Нижняя Тунгуска до Енисейского залива, за которым, считай, Северный Ледовитый океан, везде спецпереселенцы, у всех одна судьба. Она спрашивала себя, и этот вопрос маячил, повисал, раскачивался перед ней, словно незатянутая петля. Неужели родить и похоронить единственное дитя — это все, что ей было суждено? Если не умерла она тогда в пути на Север вместе с ребенком в вагоне-скотовозке или в темном, холодном трюме парохода, когда везли их от Омска до этого поселка,

если не сдохла здесь от голода, заразы, обморожения, значит — ради чего-то. Она не сможет поступить так, как сделала Анна Горн, бывшая ее напарница по лову: ушла из жизни, применив снасть в качестве удавки.

Раз в неделю Вера писала письма-заявления, что она, жена немца, просит отправить ее на фронт, чтобы искупить свою вину, воюя с фашистами. Приходя в спецкомендатуру отметить, она отдавала их Сиухину. Семен Сергеевич, просмотрев первое письмо, смял и выбросил его в мусорный ящик вместе с другими, не прошедшими цензуру. Выдумала чего! В те же рабочие батальоны и попадет. Он почувствовал Вере. Мало того, что русская, к тому же оказалась его землячкой. Легкое мягкое оканье Веры, каким разговаривали в их краях, волновало его сердце. И Вера держалась с Сиухиным просто, по-землячески. Если он заговаривал с ней, отвечала не робея и так хлестко шутила, что пребывающий в мрачном состоянии духа Семен Сергеевич громко от души смеялся. Всякий раз эта переселенка, немного даже дерзкая, снимала с него тоску и ему уже не казалось таким безысходным его положение, что его заслали сюда и что жена, не поехавшая с ним сюда из Красноярска, живет теперь с другим человеком, важным чином НКВД. «Да и пусть живет с этим Угодиным, — думал он. — На кой мне она? Даже ребенка не родила, курва с котелком! А я еще ей соболей покупал, песка серебристого! Лучше вон Верке все отдам!»

Решив вытащить Веру, снять с нее клеймо спецпереселенки, Сиухин все делал для этого.

Глава вторая

То, что произошло у него с девчоночкой, Феликс собирался безвозвратно забыть, как забывал он все случаи такого рода. Исчезало сладостное чувство освобождения, полного плотского удовлетворения, и исчезала память о предмете, доставившем ему все это, он и лиц этих баб не помнил. Но забыть девчонку не получалось. И дело не в том, что Маша ежедневно была у него на глазах, он перевел бы ее в другую бригаду, чтоб глаза не мозолила. Тут было нечто другое, а что — он и сам не понимал. То вдруг брала его досада, что он вообще взял эту малолетку, то точило чувство вины, то страх, какой испытывает, быть может, переступивший черту вор, перейдя в разряд мокрушников. Поначалу Феликс отмахивался. Да ладно, что он ей сделал? И силы никакой не применял. Она и не брыкалась. Лежала тихо, как связанная овечка. Одел, обул. Еще и хлеба дал. Он не насильник, не злодей. Возьмем рыбалку. Он не раз замечал, как эти доходяги ногтем рыбешку чистят и тут же заталкивают себе в рот, глотают не жуя. Сырую, без соли. Голодному Федоту всё в охоту. Хоть раз отобрал он у кого? А ведь не положено. Он, Феликс Горбатко, не урод, не старик и не грубый насильник. Он молод,

красив и ласков с женщинами! Но эта оправдательная речь перед самим собой мало помогала. Не удавалось забыть, как уткнулась девчоночка ему в плечо влажным, свежим, как морошка, лицом и словно вмятинку там оставила. Эта вмятинка зывала к нему, смущала, доводила до беспокойства. Вместе с тем вмятинка стала и некой точкой эротического волнения, она заставляла вспоминать свидание с девчонкой на складе и мечтать о новом.

Феликс знал: среди переселенцев ходит слух, что он тоже бывший ссыльный. В общем, так и есть. Он был из семьи раскулаченных и сосланных в Туруханск из-под Самары. Ему шел тогда девятый год, сестре Александре было двенадцать, а младшему брату шесть. Их высадили с парохода на безлюдном берегу, в трех километрах от станка¹ Томбеево. Отец нашел заброшенную факторию по скупке пушнины, там они расположились. Мать и младший брат Санечка умерли в первый же год от одной и той же болезни, здешние люди говорили, что это сибирская язва. Феликс почти ничего не помнил, ни жизни в этот первый год, ни мертвых матери и брата, ни похорон, словно память его отморожили страшные туруханские холода. У него вообще с памятью было что-то не так. Он и ранее, счастливое, проходившее в достатке детство, о котором грезил и твердила не переставая сестра, не помнил. Так, две-три мутных картинки и только одна четкая, подробная, но уж очень короткая. Они куда-то идут с матерью, мать очень молодая, наверное, моложе, чем он сейчас, в ярко-зеленом с кружевами платье, мягко, шёлково держит его за руку. Он одет во что-то тесное, неудобное и хнычет. Мать наклоняется к нему и гладит по голове. Никогда за всю жизнь он не испытывал больше такого приятного прикосновения. Вот и все воспоминание. Да и к лучшему. Зачем вспоминать.

Отец с Феликсом и Александрой, красивой, серьезной не по годам хозяйкой, прожили на отшибе шесть лет. Отец промышлял охотой, вступил в охотничью артель, сдавал пушнину. Поначалу сына брал с собой редко, говорил Феликсу: охраняй дом и сестру, управляйся с огородом. Они расчистили участок у дома, сажали картошку, капусту, редьку, репу, даже морковь. Голод отошел от них. Сестра в восемнадцать лет пешком ушла в Туруханск, там устроилась работать на пристань, вышла замуж за матроса с одной из барж, которых много до войны ходило по Енисею, и уехала с мужем в Омскую область. Феликс остался с отцом, одряхлевшим, ослабевшим от суровой жизни, от мрачности, которая не покидала его после смерти жены и младшего сына. Феликсу казалось, что если бы умер он, а не Санечка, ласковый, радостный мальчик, отец бы не дал себе сокрушиться, разрушиться.

Теперь охотился пятнадцатилетний Феликс, а отец оставался на хозяйстве. Так вдвоем прожили они еще два года. Вернувшись однажды, Феликс за-

стал отца спящим на топчане около печи. Никогда не было такого, чтобы отец днем прилег, а тут еще лето, работы невпроворот.. Феликс, заходя в дом, заметил лежащую на земле тяпку. Он окликнул отца, подошел, наклонился к нему и понял: умер.

Феликс выскочил из дома и побежал в Томбаево, где отца знали. Мужики помогли похоронить его, а Наталья Быстрова устроила поминки, наварила кутьи и все провела как положено, выпили и помянули Алексея Иваныча Горбатко. Жалея сироту, Наталья позвала Феликса к себе в помощники на хозяйство, а был он уже и тогда крепким и красивым парнем. Наталья, немолодая, как думал Феликс, женщина лет тридцати, самостоятельная, властная, сама управлялась с хозяйством. Муж ее, Николай, за год до того утонул на Подкаменной Тунгуске, не оставив потомства.

Феликс прожил у Натальи полтора года, испытал опустошение и унижение от ее грубых приказов и бурных признаний в любви. Однажды он сделал вид, что пошел на охоту, именно на охоту, потому что не хотел оставить у нее свое ружье, и не вернулся к ней.

По примеру сестры пешком ушел в Туруханск, нашел работу, даже пошел в вечернюю школу. А через год началась война. В Туруханский край, в самые необжитые места доставляли спецпереселенцев и особенно много из расформированной Немецкой республики Поволжья. Для управления ими нужны были молодые крепкие люди, знающие здешнюю жизнь, не боящиеся местных условий, не бегущие из этих мест всеми правдами и неправдами. Его поставили бригадиром одной из новых групп переселенцев и направили сюда. Так он снова оказался в нескольких километрах от Томбаева. Многие из ссыльных, выбившись в начальники, лютовали, были жестокими и беспощадными к этим доходягам. Выслуживались или просто вымещали на них свою обиду на судьбу. Но не Феликс. Он не такой... От матери ему досталась польская кровь, она смешалась с русской и татарской отца. Это скрещение дало внешне необычный и красивый типаж, но характеру повезло меньше. Бодрый дух и в общем-то спокойное расположение ко всему вдруг сменялись в Феликсе мрачностью и озлобленным истеричным состоянием. Тогда он пил всю ночь один, разговаривал сам с собой, сетуя, что его никто не уважает, он последнее дерьмо и сам это знает, он сын ссыльных родителей, а теперь сам надзирает за ссыльными, ведь любой бригадир ссыльных — надзиратель. А что ему было делать, куда идти одному, брошенному, сироте, он с шестнадцати лет один как перст. Феликс выкрикивал ругательства и угрозы и засыпал прямо за столом, положив на него свою горькую голову как на плаху. Прославшись, быстро наводил порядок на столе и вокруг, поднимал с пола сброшенную посуду и все, что скинул со стола в ночном своем буйстве. Это мог быть рожок, подарок эвенка-оленевода, охотничий нож, непременно вынутый из ящика во время пьяных угроз и обещаний всех прирезать,

¹ Станок — поселение.